

Обреченные на оккупацию

Виктор Волошин

Шестьдесят пять лет назад 17 октября 1941 года Таганрог оккупировали гитлеровские войска. Об этом периоде написано более чем достаточно. Казалось, все изучено, все ясно, но до сих пор возникают непростые вопросы, на которые трудно найти ответы. Например, неясно, обороняли наши войска Таганрог или ограничились боями на дальних подступах к городу? Почему немецкие танки свободно вошли в город, и кто встречал оккупантов хлебом-солью? Кто «сдал» городское подполье, и был ли его провал неизбежным?

НАКАНУНЕ ВТОРЖЕНИЯ

Война пришла в Таганрог неожиданно и даже как-то буднично. Успокоенные заявлениями правительства о вечной дружбе с германским народом, советские люди к войне не готовились. О том, что она началась, таганрожцы узнали 22 июня в полдень, из выступления наркома иностранных дел, заместителя Председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова. В дальнейшем события стали развиваться с молниеносной быстротой, точнее, со скоростью продвижения фронта с Запада на Восток.

Война с первых Дней круто изменила жизнь таганрожцев. Уже в понедельник в городском военкомате начался призыв военнообязанных граждан, родившихся в период с 1905 по 1918 гг. включительно. Промышленность города перешла на выпуск оборонной продукции. Инструментальный завод имени И.В. Сталина (позже - комбайновый) начал осваивать производство артиллерийских снарядов, металлургический - прокат броневой стали, «Красный котельщик» - корпуса танков, морские мины, бронепоезда, а завод имени Димитрова продолжал выпуск новейшего фронтового истребителя ЛАГГ-3.

Ситуация на фронте с каждым днем становилась все напряженней. Красная армия продолжала отступать, неся большие потери. Поэтому уже в июле бюро Ростовского обкома ВКП(б) приняло постановление о создании народного ополчения в области. В Таганроге были сформированы два истребительных батальона для борьбы с десантом врага и диверсантами.

В октябре положение на Южном фронте резко изменилось. Первого октября из района Днепропетровска прорвалась 1-я танковая группа фельдмаршала фон Клейста, которая двигалась к Мариуполю. Реальная угроза нависла и над Таганрогом. В связи с этим 8 октября на совместном заседании бюро обкома партии и Военного совета СКВО было принято решение направить в Таганрог секретарей обкома М.П. Богданова и Г.И. Ягупьева для организации защиты города и срочной эвакуации наиболее важных промышленных предприятий.

Но эвакуация началась еще раньше. Уже четвертого октября с инструментального завода имени Сталина в Новосибирск ушел первый состав с демонтированным оборудованием и запасом металла. А через четыре дня приступил к эвакуации механический завод имени Димитрова. Десятого октября директор «Красного котельщика» С. П. Казин получил предписание свернуть производство и эвакуировать завод в г. Златоуст Челябинской области. Отправка оборудования и людей затянулась вплоть до вхождения немецких войск в Таганрог. Последними уходили из города руководители горкома партии и горисполкома.

Восьмого октября немцы заняли Мариуполь, и с этого дня Таганрог уже стал прифронтовым городом. Гитлеровцы наступали стремительно, пытаясь до распутицы и первых заморозков овладеть Донбассом и Ростовом. Перед командованием Южного фронта Ставка ВГК поставила задачу: не допустить врага к Донбассу и Ростову. Поэтому на пути следования противника в «районе Таганрога» было решено организовать оборонительный рубеж, вошедший в историю Великой Отечественной войны под названием Таганрогский боевой участок.

Но гитлеровцам удалось сломить сопротивление советских войск. И 17 октября к двум часам дня немецкие танки, пройдя через весь город, вышли на Комсомольский бульвар. С крутого обрыва порт и гавань были как на ладони, и немцы прямой наводкой расстреляли выходящие в море суда. В этом бою погибли секретарь Ростовского обкома партии М.П. Богданов, секретари ГК ВКГТ(б) Л.И. Решетняк и Н.Я. Сердюченко, заместитель председателя горисполкома М.И. Рамазанов, заведующий отделом горисполкома В.Л. Наталевич.

22 октября Совинформбюро сообщало: «После упорных и продолжительных боев наши войска оставили город Таганрог».

КАК НЕМЦЫ ВХОДИЛИ В ТАГАНРОГ?

Но в сводку Совинформбюро вкралась одна неточность. Она касается продолжительности боев, что, на наш взгляд, противоречит действительности. И вот почему. Если за точку отсчета взять первый день боев с противником в районе Ефремовки, а это произошло по некоторым данным 8 октября, то выходит девять суток. Срок немалый. Но Ефремовка - это еще не Таганрог. А вот Николаевка - это практически уже Таганрог. Сюда немецкие части подошли 15 октября. И выходит, что непосредственно «за Таганрог» бои продолжались не более двух суток.

Мне могут возразить и сказать, что Совинформбюро не могло ошибиться, и бои были продолжительными. Возражающим предлагаю открыть 4-й том Истории Второй мировой войны и на стр. 117 в третьем абзаце снизу прочитать следующее: «Бои на подступах к Сталине (Донецк) и Таганрогу, в которых участвовали донбасские рабочие, продолжались трое суток».

Но давайте вернемся в тот роковой день, когда по улицам города прогрохотали немецкие сапоги, танки и вездеходы. Одни очевидцы рассказывали, что 17 октября они видели немецкие танки на улице Свердлова недалеко от кинотеатра «Октябрь» (здесь и далее приводятся названия улиц до перестроенного периода), другие встретили их на перекрестке улицы Шевченко и Исполкомовского переулка, третьи пишут, что танки шли по центральной улице Ленина. Кто же прав? Как на самом деле оккупанты входили в город? Попробуем поставить себя на место немецкого командования и попытаемся провести колонну танков по Таганрогу.

Прорвав оборону наших войск на участке Троицкое-Николаевка и уничтожив последний очаг сопротивления, немцы к полудню 17 октября овладели северной окраиной Таганрога, а затем направились к центру города. Двигаться они могли либо по улице Дзержинского, либо по улице Бабушкина с выходом на Социалистическую (бывшую Камышанскую). Но в любом случае они попадали на улицу Ленина, ведущую прямо в порт.

О вхождении немцев в Таганрог вспоминает один из участников оккупации города П.Н. Бутков в своей книге «За Россию» (Санкт-Петербург, «Экополис и культура», 2001). «Эсэсовцы в касках и с автоматами перебежками между танками занимали один за другим рубежи перешейка. Со стороны же Таганрога не было почти никакого сопротивления, даже сильной стрельбы, и мы совсем неожиданно оказались на левой стороне этого перешейка у самого берега Таганрогского залива. Выскочив на высокий берег Таганрога, мы увидели чудесную панораму Таганрогского залива, а внизу лодки, на которые поспешно бросались люди...»

А вот что рассказала жительница улицы Шевченко Евгения Михайловна Смольянинова, которой в 1941 году исполнилось 15 лет:

- Я очень хорошо помню, как в Таганрог ворвались немцы. В этот день я находилась дома. Вдруг слышу со стороны улицы сильный грохот. Вышла за калитку посмотреть. По улице Шевченко, дымя как самовар, мчался танк, а на некотором расстоянии следом за ним шли еще два танка. Они доехали до Исполкомовского переулка и остановились. Дорогу им преграждала балка Дуровского спуска, моста через который тогда не было. Танки немного постояли, а потом медленно стали спускаться с обрыва, переехали дорогу, а затем также медленно поднялись по косогору и продолжит движение.

Как же танки оказались на улице Шевченко? Немцам все-таки удалось навести переправу через Миусский лиман, и по ней они пустили войска и боевую технику на противоположный берег. О наличии немецкой переправы в известных литературных источниках не говорится ни слова. О ней лишь упомянул в книге «На море Азовском» бывший начальник штаба Азовской воен-

ной флотилии, капитан I ранга А. В. Свердлов. **«В Миусском лимане с 9 октября действовали четыре катера 14-го отряда водного заграждения под командованием «...» лейтенанта В. С. Богословского «...». Выведя из строя паром (в с. Лакадемоновка – В. В.), личный состав отряда высаживал небольшие группы пехотинцев в местах сосредоточения гитлеровцев для разрушения их переправ».**

А дальше все просто. Немецкие танки двинулись через Беглицу, Красный десант, Дмитриадовку, Петрушино и вышли к заводу Димитрова со стороны старого карьера. Того самого, в котором гитлеровцы вскоре устроят «Балку смерти». Танки свободно прошли по территории завода, вышли на улицу Мясницкую (сегодня - Ломакина), переходящую в улицу Шевченко.

Но почему так уверенно и легко захватчики ориентировались в незнакомом городе? Понятно, что у них могли быть сопровождающие из числа местных добровольцев. Кроме того, маршруты движения частей могла «вычислить» разведка. И мы опять приводим цитату из воспоминаний г-на Буткова: «Когда мы были у него в канцелярии, то он (имеется в виду оберлейтенант Айхеле, начальник разведки I-Ц танкового корпуса 1-й танковой армии - В.В.) показал нам все карты Таганрога и подступы к нему через перешеек, где проходили главные въездные дороги в Таганрог, а также с двух сторон по берегам Азовского моря и Таганрогского залива».

Но почему танки все-таки вошли в город и свободно по нему разъезжали?

А БЫЛА ЛИ ОБОРОНА?

По поводу обороны Таганрога в городе до сих пор бытует два противоположных мнения. Одни говорят, что Таганрог обороняли. И в подтверждение рассказывают о боях на Таганрогском боевом участке. «Да какая там оборона! - восклицают другие. - Немцы свободно вошли в город! Наши немножко постреляли, на этом все и кончилось». Анализ боевых действий на Таганрогском боевом участке и последующих за этим событий говорит в пользу второго утверждения. И вот почему.

Отрицать оборонительные бои на Таганрогском боевом участке в районе сел Ефремовка, Марьевка, Лакедемоновка, Покровское, Мелентьево и других было бы, по крайней мере, неразумно. Бои шли серьезные, и свою задачу по сдерживанию немецкого наступления на Ростов они выполнили. Но оборона на ближних подступах к Таганрогу явно не сложилась, точнее, ее совсем не было. За исключением четырехчасового боя в районе Северного поселка. И здесь вновь возникают вопросы, на которые вряд ли когда-нибудь мы получим ответы: **почему наши отступающие войска не вошли в Таганрог и не организовали необходимую оборону на въездах в город? Почему не минировали дороги, не установили противотанковые ежи, ведь рельсов в городе хватало. И почему не прорыли противотанковые рвы, опыт же имелся?**

Предвижу возражения оппонентов: «Надо же, какой стратег нашелся, мины ему подавай, ежи вари, рвы сооружай! Не было такого приказа Таганрог оборонять! Приказ был отвести войска на ростовский рубеж и точка. Там они были нужней, там тоже надо было оборону держать». С этим доводом нельзя не согласиться. Скорее всего так и было. Поступил приказ на Ростов, значит, на Ростов и никакой самостоятельности. Только непонятно, зачем надо было из обкома людей присылать. Какую «защиту» города они должны были обеспечить, если времени уже практически не оставалось? Вот и получилось, что город, не подготовленный к обороне, был обречен на оккупацию. На целых 680 суток.

ХЛЕБ-СОЛЬ ДЛЯ ОККУПАНТОВ

В нашем городе, овеянном легендами, много лет живет история о том, как в Таганроге немцев встречали хлебом-солью. Этот местный феномен не опровергнуть, ни подтвердить сегодня уже практически невозможно. Безвозвратно ушло то время, когда можно было что-то спросить или выяснить у старшего поколения таганрожцев, переживших оккупацию. И сегодня приходится только гадать или ретроспективно подвергать анализу события давно минувших дней.

Но кто же мог встречать врага хлебом-солью? Кто мог додуматься до этого? Наверное, те, кто вскоре приобрел некоторое «положение» и власть над соотечественниками. Среди поднося-

щих хлеб-соль могли быть будущий бургомистр Таганрога Николай Ходаевский и начальник русской вспомогательной полиции Юрий Кирсанов, его братья Алексей – редактор газеты «Новое слово», Василий – инспектор отдела пропаганды немецкой комендатуры и Дмитрий – директор литейно-механического завода. Не исключено, что рядом находились Борис Стоянов – полицай №1 из свиты Кирсанова – и его коллеги, такие же ненавистники всего советского, следователи полиции Николай Бабин, Александр Ковалев, Алексей Рязов, Александр Петров. Рукоплескать новой власти могли и некоторые представители старой дворянской интеллигенции, и раскулаченные селяне, и ветераны «белой» гвардии, осевшие в Таганроге в конце Гражданской войны.

Реальными источниками, подтверждающими факт подношения хлеба-соли, могли бы стать либо пропагандистские листовки немцев, либо городская газета. Но листовки с таким содержанием до нас не дошли. А вот городская газета «Новое слово» существовала, но ее первый номер вышел только в двадцатых числах декабря 1941 года когда описывать вхождение немцев в Таганрог было уже поздно и неактуально. Следовательно, газета как источник тоже отпадает.

Так откуда же пошли эти слухи? А-у! Русь дай ответ! Молчит, как всегда, Русь, не дает ответа. Молчат старожилы, бывшие в оккупации молчат и компетентные органы. А могли бы рассказать много интересного.

КТО ВЫДАЛ ТАГАНРОГСКИХ ПОДПОЛЬЩИКОВ?

Этот вопрос возник сразу, как только освободили Таганрог в августе 1943 года. Возможны: предателей искали и среди участников подполья, и среди их близкого окружения, включая друзей, родственников, соседей. Предательстве рассматривалось как одна из наиболее вероятных причин провала подпольной организации.

В официальной истории таганрогского подполья фигурируют несколько имен предателей и первым в том ряду стоит Николай Кондаков с именем которого связан провал группы Николая Морозова. Журналист Л.А. Абрамов в статье «Город не покорился» (Сб. «Таганрог, огненные годы», 1994 г.) так описывал задержание группы Морозова:

«18 февраля (1943 г. - В.В.) на квартире Турубаровых собрались члены группы Морозова. Решался вопрос о подготовке к восстанию, шли горячие споры. А тем временем полицейские окружили дом, оцепили весь квартал. Когда партизаны стали расходиться, фашисты схватили Евгения Шарова, Льва Костикова, Ивана Веретеинова, Мишу Чередниченко, Спиридона Щетинина. После этого они ворвались в дом, арестовали Семена Морозова, Петра, Валю и Раю Турубаровы и их отца Кузьму Ивановича. Окружив арестованных тесным кольцом, фашисты повели их по направлению к полицейскому управлению».

Обратите внимание, автор один раз упомянул полицейских, дважды – фашистов, то есть немцев. Но в аресте Морозова и его товарищей немцы не участвовали. Задержание проводилось только силами русской вспомогательной полиции. Правда, Абрамов мог полицейских назвать фашистами, что, по сути, одно и то же.

Но как же полиции удалось выйти на след подпольщиков? Об этом подробно рассказал писатель Генрих Гофман в документальной повести «Герои Таганрога». Он первый назвал виновника провала – тайного агента гестапо и русской вспомогательной полиции Николая Кондакова, который по заданию Бориса Стоянова выследил распространителя листовок. Им оказался начальник штаба таганрогской подпольной организации Лев Костиков. О Костикове узнали и немцы, от того же Кондакова, но арестовывать подпольщика не спешили. Хотели выявить его контакты. А вот полиция решила отличиться и 18 февраля ворвалась на квартиру Турубаровых.

Так можно ли считать Кондакова предателем организации? В данном случае нет. Кондаков в широком смысле стал предателем, когда перешел на службу к немцам и стал сотрудничать со спецслужбами. Он, как Мусиков и Раневская, как румынский дезертир Понтович и другие невымышленные персонажи повести Гофмана, был агентом немецких спецслужб. Он выполнял свою грязную работу, за которую ему платили. А это не предательство. Предают, как известно, только свои. А Кондаков был врагом. Вот и выходит, что первый провал и арест группы Морозова

ва были результатом работы русско-немецкой агентуры.

«Полицейский» след мы находим и при задержании других членов подпольной организации. Вот что Рассказал об аресте своей матери Антонины Ивановны Козубко ее сын Владимир Скуднов, которому в ту пору было всего восемь лет (в настоящее время В.Е. Скуднов проживает в Киеве):

«Маму арестовали в мае 1943 года. Она работала врачом в третьей больнице в Красном переулке. В тот день я, как обычно, пошел встречать ее с работы. Дойдя до Банковской площади, мама зашла в магазин за покупками, а я побежал вперед. Войдя во двор, где мы жили, я увидел, что ребята, игравшие там, беседуют с какими-то неизвестными мужчинами. Увидев меня, они кивнули в мою сторону и проговорили: «А вон ее сын идет!» Я подошел ближе. Один из незнакомцев спросил: «Где твоя мама, мальчик?» Я, ничего не подозревая, ответил, что она сейчас придет. И мама действительно вошла во двор чуть ли не следом за мной.

Эти двое предложили нам войти в дом. Там они представились. Один из них протянул маме какую-то бумажку. Она внимательно ее прочла, а потом схватилась за сердце и тяжело опустилась на стоящую рядом кровать. Кажется, она потеряла сознание. Эти двое оказались из полиции. На них не было никакой формы, обычные рубашки с коротким рукавом, ни оружия, ни полицейских повязок. Они не кричали, не грубили, разговаривали очень даже корректно. Только после того, как мама пришла в себя, они стали ее подгонять: «Скорее собирайтесь, даем вам не более трех минут!» Когда она собралась и поцеловала меня, я спросил у них, а можно ли проводить маму до калитки. И они разрешили, даже улыбнулись при этом. У калитки она еще раз меня поцеловала и сказала: «Ну, беги, Володечка!» Я долго смотрел им вслед, наблюдая, как полицаи уводят маму в сторону улицы Фрунзе. Больше я её никогда не видел».

Подпольщица Антонина Ивановна Козубко была расстреляна немцами с большой группой соратников 12 июня 1943 года в Балке смерти.

ПРОВАЛ БЫЛ НЕИЗБЕЖЕН

Как в минувшие годы, так и сегодня, глубокий интерес к деятельности таганрогских подпольщиков не очень приветствуется, и по-прежнему остается сложным доступ к архивам. Все, что было написано ранее о таганрогском подполье, считается не подлежащим сомнению и не требующим пересмотра. Но как же хочется нарушить запрет и кое в чем разобраться. Хотя бы до конца понять причины провала организации. Ведь до сих пор находятся скептики, которые не верят в работу немецкой агентуры и утверждают, что «это свои выдавали своих»

Естественно, в деятельности организации имелись ошибки и просчеты, которые постепенно вели к трагической развязки. Ребята боролись с ненавистным врагом так, как подсказывали совесть и сердце. Опыта у них не было никакого.

И не было рядом той руководящей и направляющей силы, о которой с пафосом заговорили уже после войны. И здесь опять всплывает вопрос: почему ни Ростовский обком партии, ни Таганрогский горком ВКП(б) не выполнили постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года с очень точным и конкретным названием «Об организации борьбы в тылу германских войск»? Это весьма

предписывал, «чтобы руководители партийных организаций лично руководили борьбой в тылу немецких войск». Но «личного» руководства в Таганроге не было, как не были реализованы и другие предписания этого важного постановления.

Хочется также понять и логику газетных публикаций оккупационного периода, рассказывающих о деятельности партизан Таганрога. Подпольная работа предполагает скрытность и еще раз скрытность. Кто взорвал, поджег или пустил под откос состав, должно находиться в глубокой тайне. Не должен враг знать, чьих рук это дело - таганрожцев, неклиновцев или дерзких фронтовых разведчиков. Ведь до сих пор неизвестно, кто взорвал немецкую комендатуру в ноябре 1941 года. А тут на всю страну рассказывали о таганрожцах, которые «не давали покоя ненавистному врагу». Ведь подобные публикации бумерангом били по жителям и подпольщикам Таганрога. Может быть, с позиции советских идеологов того времени это считалось нормальным явлением,

но с точки зрения подпольной борьбы это был полный абсурд. Такими публикациями врагу давали повод лишний раз обратить внимание на партизан и подпольщиков.

В прежние годы было принято отмечать, что таганрогское городское подполье являлось чуть ли не самым массовым в годы войны. Чтобы не быть голословными, приведем цитату из статьи кандидата исторических наук Я.Г. Гришкова «Непокоренный Таганрог» («Таганрогская правда» от 11.05.1965 г.): «Число подпольщиков непрерывно возрастало: в декабре 1941 года их насчитывалось около 100 человек (по другим источникам, в ноябре того же года подпольщиков было всего 11 человек - В.В.), в январе 1942 года - около 200, а к маю 1943 года их было уже 565 человек».

Такой рост численности организации настораживает. Таганрог - это не Брянские леса и не Карпаты, где можно было спрятать целую партизанскую армию. Подполье такого небольшого города, как Таганрог, не требовало больших масштабов. Огромная численность любой подпольной организации повышает вероятность проникновения в ее ряды чуждых, неустойчивых членов, агентов и провокаторов. Что, собственно, и случилось после гибели Морозова и его группы. Организация росла, но вступающие в нее новые члены серьезной проверке не подвергались. Достаточно было подписать клятву, чтобы оказаться в рядах борцов.

А теперь подведем некоторые итоги. Итак, можно ли было избежать оккупации Таганрога? Можно! Но для этого надо было создать вдоль Миуса сплошную линию обороны, как это позднее сделали немцы. И решать вопросы обороны не в октябре, а в июле-августе. Кроме этого, параллельно с эвакуацией промышленных предприятий следовало готовиться к оккупации Таганрога и создавать профессиональное подполье, как того требовало известное постановление ЦК ВКП(б) и соответствующие инструкции Центрального штаба партизанского движения. Но самое главное - надо было обеспечить подпольщиков надежными каналами связи со штабом Южного фронта. Но ничего этого сделано не было. Подполье создавалось «снизу» на энтузиазме мужественных патриотов и было обречено на провал.